

Дмитрий Шаматажи

Маразлиевская, 5

Идет работа над созданием первой энциклопедии одной из улиц Одессы. Организация «АрхОдесса» собирает материалы о Маразлиевской улице.

Дом Беликовича. Маразлиевская, 5

История

На улице Маразлиевской расположено несколько образцов раннего модерна – дома М.Д. Луцкого, Е. Штемпеля и Н.Ц. Беликовича с элегантной пластикой, ленточно-цветочными мотивами и характерным мистическим символизмом образов в оформлении.

Последний находится на Маразлиевской, 5, причем с самого момента постройки его адрес не менялся. Доходный дом отставного артиллерийского поручика дворянина Николая Цезаревича Беликовича – единственный известный проект стиля модерн в творчестве выдающегося архитектора Демосфена Егоровича Мазирова и единственный же модернистский дом в квартале Маразлиевской между Успенской и Базарной.

Прежде чем перейти в собственность Беликовича, участок на Маразлиевской, 5, сменил немало домовладельцев – Санины (перв. пол. 1880-х гг.), Кавассо (1890-е гг.) и Исидор Лапидус (в 1900 г.). В 1901 г., согласно объявлению о сдаче квартир в «Одесском листке»

от 3 августа, владельцем дома (а точнее – тыльного флигеля, возведенного еще в период Кавассо) числился Александр Семенович Лапидус. Любопытно, что в 1911 г. аналогичным образом от И. Лапидуса к А.С. Лапидусу перешел и дом на Базарной, 73, некогда принадлежавший Мелетию Дмитренко, отцу знаменитого архитектора Юрия Дмитренко.

И хотя в 1911 г. газетный редактор и торговый агент А.С. Лапидус никакого отношения к участку на Маразлиевской, 5, уже не имел, на его личности и трагической судьбе стоит остановиться подробнее.

В газете «Одесские новости», номере от 24.02.1911 г. читаем следующее:

«Самоубийство А.С. Лапидуса»

Этим утром в одной из частных лечебниц застрелился сотрудник «Од. листка» Александр Семенович Лапидус, 42 лет. По-

койный с юношеского возраста посвятил себя (газетной) работе и в качестве (хроникера) новостей работал почти во всех местных газетах. В последние годы А. С. работал исключительно в «Од. листке». Всегда энергичный и предприимчивый, А. С. кроме газетной работы занимался сделками по продаже недвижимых (имуществ). Одно время А. С. владел двумя небольшими домами и дачей на Б. Фонтане. Недавно покойный купил дом Димитренко (М. Дмитренко. – Авт.) на Базарной ул.

А. С. был очень впечатлительным и нервным человеком. Покупка недвижимостей и труд в газете, где он заведовал ответственным и беспокойным отделом происшествий, сильно подтачивали здоровье А. С., и год уже как он чувствовал себя все хуже и хуже. Несмотря, однако, на это, А. С. (продолжал) неумоимо работать в газете. В последнее время здоровье А. С. настолько пошатнулось, что он временами прекращал работу и ложился в постель.

Недавно покойный был принят в частную лечебницу для нервнобольных, но пробыл там всего сутки и, как заявляют врачи, удрал оттуда. Болезнь, однако, прогрессировала, и третьего дня А. С. решил перейти на клиническое лечение. Он был принят в частную лечебницу, помещающуюся на Новосельской ул., где предполагал пробыть несколько дней, а затем, чтобы его не беспокоили, (...) в лечебницу на Фонтане. Вчера в 9 часов утра покойный заявил врачу, что он не верит, чтобы его могли спасти. Врач, а затем и появившаяся жена стали успокаивать А. С., который однако продолжал утверждать, что чувствует приближение конца.

Когда врач ушел, А. С., сидя в больничной келье на кровати, продолжал беседовать с женой и заявил ей, что сейчас же

Ж Похороны покончившаго самоубиствомъ А. С. Ланидуса состоятся сегодня, въ 11 ч. утра, изъ квартиры покойнаго на новое еврейское кладбище. Погребальное братство, въ виду заслугъ покойнаго передъ обществомъ, какъ газетнаго работника, рѣшило похоронить его на общественный счетъ.

намерен оставить лечебницу. При этом А. С. просил супругу, чтобы она пришла за ним через (...) часа. Когда г-жа Лapidус выразила желание подождать, А. С. воспротивился этому и (твердо) повторил, чтобы она ушла. Г-жа Лapidус и бывшая в комнатке сестра милосердия оставили больного и вышли из его комнаты, но, сделав несколько шагов, услышали (тогда) выстрел. Г-жа Лapidус вбежала обратно в комнату и к ужасу своему увидела А. С. лежащим на полу с простреленным виском. Из головы несчастного, который стал бледнее, сочилась кровь. Невдалеке валялся револьвер. Немедленно в комнату вбежали врачи. А. С. были сделаны три впрыскивания микстурой, но он, не приходя в сознание, спустя две минуты скончался.

Шкап, где висела одежда А. С., был открыт. Оказалось, что как только из комнаты вышли супруга его и фельдшерница, он подошел к шкапу, открыл его, достал из тайника револьвер, который всегда носил с собой, и произвел выстрел в правый висок. Пуля, застряв в мозгу, вызвала быструю смерть.

На место самоубийства прибыл представитель полиции. После соблюдения формальностей тело А. С. было отправлено в анатомический покой при клинике ун-та.

Покойный был женат 15 лет. А. С. оставил 3-х детей: двух девочек 14 и (девяти) лет и мальчика 8 лет. Дочери А. С. воспитываются в гимназии.

Тело покойного А. Лapidуса с разрешения администрации вчера вечером перевезено было без вскрытия из университетского анатомического покоя на квартиру его (Казарменный пер., 7), откуда завтра в 11 час. утра состоятся похороны».

Далее во все тех же «Одесских новостях», в номере от 26.02.1911 г. последовали сразу два некролога в одной колонке:

«Жена, дети, братья, сестры и родственники с глубоким прискорбием извещают о преждевременной кончине дорогого и незабвенного мужа, отца и брата Александра Семеновича Лapidуса, последовавшей 25 сего февраля. Вынос тела из дома № 7 по Казарменному пер. в воскресенье, 27 февраля, в 11 часов утра».

«Яков Борисович Шинберг с семьей с глубоким прискорбием извещают о преждевременной кончине дорогого друга Александра Семеновича Лapidуса. Об. № 27217».

В номере «Одесских новостей» от 01.03.1911 г. были освещены и непосредственно сами похороны.

Таким образом, хорошо известный одесской общественности, и в особенности в газетно-журналистской среде того времени А.С. Липидус не остался без внимания своей родной газеты «Одесские новости», где вопреки проблемам со здоровьем проработал много лет, вплоть до самой смерти.

А.С. Липидус был последним известным владельцем участка на Маразлиевской, 5, из числа предшественников Н.Ц. Беликовича, который приобрел его в 1901 г. и в следующем, 1902 г., приступил к возведению описываемого дома.

Беликовичи, к коим принадлежал и Николай Цесаревич, были древним польским родом, корнями уходившим в Витебскую губернию. По определению Витебского дворянского депутатского собрания от 21 марта 1804 г., род Беликовичей, в том числе старейший известный представитель этого семейства Антон Казимиров сын Беликович, «признаны в дворянском достоинстве со внесением в шестую часть дворянской родословной книги и в этом достоинстве утверждены указом Герольдии». 6-я часть этой родословной книги имела, к слову, весьма интригующее заглавие: «Древние благородные не иные суть, как те роды, коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят; благородное же их начало покрыто неизвестностию».

Многочисленные линии рода Беликовичей в течение XIX столетия удостоились внесения в дворянские книги большого числа губерний: Витебской (с 1833 г.), Минской (с 1833 г.), Бессарабской (с 1871 г.), Казанской, Могилевской и Московской.

Линия интересующего нас Николая Цесаревича Беликовича тесно связана с Аккерманом, откуда происходил его отец Цезарь-Антоний Антонович Беликович (1826-1904), средний сын аккерманского полицмейстера. Его двойное имя было связано с соответствующей польской традицией, особенно распространенной в семьях потомственной шляхты.

В 1843 г. Ц.-А.А. Беликович окончил курс наук в Кишиневской гимназии, а уже с января 1844 года пошел по стопам отца – поступил на службу в аккерманскую городскую полицию. Сменив по службе множество мест и должностей, Ц.-А.А. Беликович был

Семья Беликовичей, 1890-е гг.

награжден чинами коллежского регистратора со старшинством с 5 января 1845 г., губернского секретаря со старшинством с 5 января 1849 г. и коллежского секретаря со старшинством с 5 января 1853 г.

В период Крымской войны с января 1855 года служил в управлении генерал-интенданта экзекутором – то есть чиновником, ведавшим хозяйственными делами учреждения или наблюдавшим за порядком в канцелярии. В дальнейшем Ц.-А.А. Беликович был награжден медалью за защиту Севастополя, а в 1856 г. произведен в титулярные советники. Помимо воинских Цезарь Беликович удостоивался и гражданских должностей – например,

в 1888 году он был избран вице-председателем Аккерманского отдела Императорского Российского общества садоводства.

Будучи потомственным дворянином, Ц.-А.А. Беликович владел землей в Ананьевском уезде и при урочище Балабанка. Большой дом Беликовичей находился в Аккермане в конце улицы Полицейской, через квартал от полицейского участка. Среди его соседей было немало известных в городе купцов, в том числе оставившие значительный след в истории как аккерманского, так и одесского купечества Асвадуковы.

Женой Цезаря Беликовича была дочь подполковника Нина Петровна Шклярская. В метрических книгах аккерманского Свято-Вознесенского собора имеются записи о восьми детях четы Беликовичей – Владимире (род. в 1856 г.), Петре (род. в 1857 г.), Николае-старшем (род. в 1861 г.), Валериане (род. в 1863 г.), Дмитрие (род. в 1866 г.), Николае-младшем (род. в 1870 г.), Нине и Анне.

Как видим, здесь присутствуют два Николая. Что побудило Ц.-А.А. Беликовича дать двум своим сыновьям одинаковые имена, неясно, но случай, несомненно, любопытный. Из них двоих именно Николай Цесарович (Цезаревич) Беликович (старший) станет впоследствии заказчиком дома на Маразлиевской, 5, и еще нескольких роскошных доходных домов в Одессе.

Н.Ц. Беликович традиционно для своей семьи выбрал военную профессию, начав обучение в Александровском военном училище, а в 1888 году выпустился «из юнкеров в 66-й пехотный Бутырский полк». В 1903 г. Николай Цесарович вышел в отставку и поселился в Одессе, однако позже, во второй половине 1900-х гг., вернулся в Аккерман.

В Аккермане он служил по выборам почетным мировым судьей в 1907-1911 годах и являлся гласным Городской думы, а с 1910 года занимал должность председателя Городского сиротского суда. В 1908 году Николай Беликович был избран городским головой Аккермана, и, что любопытно, на этом посту он сменяет своего родного дядю – отставного майора Александра Антоновича Беликовича, бывшего городским головой почти десять предшествующих лет.

В те годы у каждого учебного заведения был почетный смотритель, можно сказать, персональный меценат. Эта должность

Дом Беликовича в переулке Габсбурга, 4

Дом Беликовича в переулке Габсбурга, 6

Дом Беликовича в переулке Габсбурга, 8

была престижной, но хлопотной и, разумеется, затратной. В 1906-1911 годах Н.Ц. Беликович был почетным смотрителем городского пятиклассного училища. После 1911 г. сведения о нем обрываются, однако известно, что его прямые потомки ныне проживают в Румынии.

Стоит также отметить, что Беликович был солидным земле- и домовладельцем, на протяжении многих лет продолжая активно вкладывать деньги в недвижимость, и эта тенденция стала особенно выражена именно в одесский период его биографии.

Еще в конце 1890-х гг. он владел в Аккермане огромным домом стоимостью 26975 рублей. А с 1910 г. совместно с братом Петром Цесаревичем Беликовичем и А.Н. и М.Н. Благовещенскими значился владельцем имения «Затишье» (г. Богородск Московской губернии), однако в самом имении Беликовичи никогда не проживали.

В Одессе известны как минимум четыре дома, построенные по заказу Н.Ц. Беликовича, три из которых, под № 4, 6

и 8, были возведены в нынешнем переулке Вильгельма Габсбурга (все – 1902-1903 гг., арх. В.А. Домбровский), а четвертый и самый роскошный из них – на Маразлиевской, 5.

Дом Беликовича на Маразлиевской, 5

Перед постройкой последнего Беликович подавал в городскую управу два прошения с незначительным интервалом в датах о предоставлении места под устройство склада строительных материалов – от 26.02.1902 (ст. ст.) и 4.03.1902 (ст. ст.). В первом из них речь шла о тротуаре по Маразлиевской ул., 5, (адрес к тому времени был уже нынешним) площадью 10 кв. саж. По всей видимости, испрошенного Беликовичем места оказалось недостаточно, чтобы вместить все необходимое для постройки большого четырехэтажного дома, – Маразлиевская в этом квартале относительно узкая, как и тротуары, на которых много камня и песка не сложишь. Во втором прошении речь шла о дополнительном складе стройматериалов «на тротуаре против стены сада епархиального училища по адресу угол Успенской и Маразлиевской улиц в 20 кв. саж. на время постройки дома по Маразлиевской ул., 5». К прошению прилагалась визитка с согласием от председателя Одесского епархиального училища протоиерея Евлампия Ксенофонтовича Арнольдова о «неимении препятствий».

На момент подачи данных прошений Н.Ц. Беликович проживал по адресу Ямская (Новосельского), 77.

Проект был составлен выдающимся архитектором Демосфеном Егоровичем Мазировым, впечатляющая череда работ которого, преимущественно в стиле неobarocko, и сегодня украшает многие улицы центра Одессы. Дом Беликовича был последней крупной работой архитектора и, как отмечалось ранее, единственной в стиле модерн.

С самим проектом поначалу были определенные сложности – его некоторое время не могли утвердить из-за недостаточности исправлений (разрешение в итоге выдали 29 марта 1902 г. по ст. ст.), а уже

в июле 1902 г., в самый разгар строительства, Д.Е. Мазиров и вовсе отказался от дальнейшего надзора. Это, по всей видимости, не мешало завершить все строительные работы раньше конца года.

Участок, доставшийся Беликовичу, имел стандартную протяженность по красной линии и по аналогии с соседним участком № 3 был врезан в недра квартала на огромную глубину – около 74 м. Тыльную половину этого участка на внушительном отдалении от улицы уже занимал к тому времени большой трехэтажный дом, возведенный для семьи Кавассо в 1890 г. архитектором Э.Я. Меснером. Оставшегося места хватило на постройку нового дома для самого Беликовича, по завершении которой образовалась уникальная глухая анфилада из трех дворов, последовательно расположенных следующим образом: двор-колодец нового доходного дома Беликовича, узкий промежуточный двор между старым и новым строениями и двор-колодец внутри объема старого флигеля Кавассо.

Архитектор Д.Е. Мазиров. 1903 г.

Из жильцов дома Беликовича наиболее известен директор-распорядитель и представитель правления завода шампанских вин Г. Редерера М.Я. Розенберг (согласно сведениям краеведа Т. Донцовой).

Примерно в это же время дом стал фигурантом криминальных сводок:

«Р. Унгар, проживающая в доме № 5 по Новой ул., заявила полиции, что Иосиф Эльперн, жилец дома № 15 по Елисаветинской ул., присвоил себе полученные им у нее для продажи золотые вещи на сумму в 300 р. Дознание производится» («Одесские новости» № 6409 от 2.09.1904).

В 1907 г. по данному адресу «луцкий мещанин Перельман Пейсах-Гирш Фишелев открыл книжную торговлю». Правда, не совсем понятно, где именно в доме располагался книжный магазин, так как торговые помещения здесь изначально не предусматривались в принципе. Вероятно, для этих целей господин Перельман приспособил жилое помещение квартиры первого этажа со входом в арке.

Став в том же 1907 г. городским головой Аккермана, Н.Ц. Беликович начал распродавать свою одесскую недвижимость, и первым из его домов сменил владельца именно дом на Маразлиевской. Последними его известными хозяевами перед Первой мировой войной значились представители семьи Профандер (в 1908-09 гг. – Т.А. Профандер, в 1910-13 гг. – П.А. Профандер).

В 1995 г. была впервые опубликована мемуарно-юмористическая повесть одесского писателя Рафаила Гругмана «Маразлиевская, 5» о доме, его жильцах и тонкостях их взаимоотношений. Это, пожалуй, наиболее известное на сегодняшний день литературное произведение, где фигурирует дом, причем на правах отдельного героя. Повесть автобиографична.

Родившийся в доме на Маразлиевской, 5, 16 октября 1948 г. в семье служащего завода «Кинап» Абрама Борисовича Гругмана и учительницы начальных классов Евгении Самойловны в девичестве Ривилис будущий писатель провел здесь детство и в дальнейшем емко описал «страх человека, жившего на улице Маразлиевской, где... каждую ночь сновали «черные вороны», а иногда наглухо закрытые брезентом повозки, оставлявшие на брусьях... кровавые полосы».

Архитектура

Участок на Маразлиевской, 5, стандартен для района своего расположения и по протяженности красной линии (семь оконных осей) практически аналогичен соседним участкам № 1 и 3. Кроме того, глубина № 5 полностью повторяет таковую у № 3 – она огромна, и пространства здесь хватило, чтобы выстроить два совершенно самостоятельных и достаточно больших здания, оставив между ними небольшой промежуточный двор, а внутри объемов каждого из них обустроить собственные просторные двory.

Застройка участка началась из глубины, то есть в его тыльной части, в отдалении от улицы. Расположенный там флигель возведен в 1890 г. и занимает почти половину участка. Оставшаяся (лицевая) часть до возведения на ней нового доходного дома, вероятно, пребывала незастроенной, либо имевшиеся здесь строения были малозначительны. Как тыльный флигель, так и лицевой доходный дом представляют собой крупногабаритные призматические объемы, состоящие из крыльев единой высоты, окружающих внутренние двory по периметру. Все три двора комплекса так или иначе имеют между собой проходное сообщение.

Возведенный на волне становления раннего декоративного и орнаментального модерна, вдохновленный формами австрийского сецессиона, доходный дом Н.Ц. Беликовича был возведен в 1902 г. одновременно с целой чередой шедевров раннего модерна, жемчужинами разбросанных по всему городу, к примеру – домами Луцкого (Маразлиевская, 2), Вургафта (Кузнечная, 54), Косаговской (Нежинская, 66), Топуза (Еврейская, 4) и т. д. Из четырех домов, построенных в Одессе для Беликовича, дом на Маразлиевской ожидаемо получился самым роскошным и изысканным – в то время улица уже считалась одной из самых престижных и дорогих для проживания в городе, и эта статусность неизменно диктовала высокие эстетические требования к возводимым здесь зданиям. Дом на Маразлиевской, 5, во всех аспектах соответствует лучшим доходным домам улицы.

Здание имеет четыре этажа, полуподвал с освещением окнами в прямке и высокую антресоль без лицевых продухов. Отдельные элементы в декоре дома сохраняют едва ощутимые призыву-

ки барокко и классицизма, но на фоне многочисленных пышных деталей и орнаментов модерна это замечается далеко не сразу.

Протяженность лицевого фасада составляет семь оконных осей, его композиция строго симметрична, а тектоника довольно проста – какие-либо эркеры или ризалиты отсутствуют. Ключевым композиционным компонентом фасада служат четыре динамичных вертикали лопаток, занимающих высоту 2-4 этажей, две из которых фланкируют центральную ось, тем самым акцентируя ее, и еще две расположены по краям общей фасадной плоскости.

Полуподвал дома освещается большими окнами, размещенными в глубоких приятках. Проемы полуподвальных окон увенчаны трапециевидными веерными сандриками. К слову, сам факт хотя бы минимального оформления полуподвальных проемов – явление достаточно редкое.

Простенки первого этажа обработаны глубоким линейным рустом. При этом тяги руста имеют пластично обработанные торцы, а их лицевые плоскости – едва уловимый наклон сверху вниз, что создает эффект текучести и нестатичности стенных поверхностей. Окна первого этажа – прямоугольные, их проемы прорезаны в слегка утопленных в стену нишах аналогичной формы. Над окнами расположены прямые сандрики с замковыми камнями.

Центральная ось отведена под арку проезда. Ее проем, как и внутреннее пространство, не имеет значительных показателей ширины и высоты, так как арка, вероятнее всего, проектировалась исключительно как пешеходная. Проем арки – лучковый, над ним размещена большая декоративная плита со стилизацией креплений верхних уголков заклепками или винтами. В центре плиты размещен овальный медальон с лепной цифрой «5» (номер дома), обрамленный композицией из пальмовых ветвей и пергаментного свитка. По сторонам от означенной композиции расположены простые тройные каннелюры – универсальный элемент стиля модерн, обыгрываемый в чрезвычайно разнообразных формах и трактовках, в том числе и в пределах описываемого дома.

Ворота дома – железные, трехстворочные, с центральной калиткой, дошли до наших дней с утратой большей части оригинальных элементов. Сохранился изящный люнет, в центр которого

врезан псевдоегипетский «солнечный круг». И ворота, и люнет выполнены в формах модернизированной эклектики – в то время кузнечные мастерские во многих случаях еще продолжали внедрять в свои изделия старомодные элементы историзма.

Первый и второй этажи разделены на уровне перекрытия гуртом среднего выноса с трехступенной раскреповкой. На гурт опираются вышеупомянутые вертикальные лопатки. В местах их «оснований» расположены символические сдвоенные консоли.

2-4 этажи не имеют между собой гуртового разделения, а изысканная и разнообразная

декоративная отделка равномерно распределена по всем трем этажам, без акцентирования какого-либо из этажей в контрасте с соседними за счет большей концентрации декора и его более пышного характера, как это было характерно в предыдущие эпохи классицизма и историзма. При этом каждый этаж оформлен по собственной уникальной композиционной схеме, которая в равной степени гармонична как сама по себе, так и в общем контексте облика дома. Стоит также подчеркнуть, что элементы, применяемые в пределах одного этажа, на двух других практически не повторяются, хотя общий современный лейтмотив в виде все тех же строенных каннелюр присутствует на всех этажах.

Поскольку вертикали лопаток протянуты почти во всю высоту здания, их общее оформление достаточно разнообразно, так как подчиняется принципам оформления каждого конкретного этажа.

Простенки второго этажа оживляются двумя простыми, но выразительными горизонтальными тягами – аналогичными друг

другу и состоящими из пяти «лент» каждая. При этом промежуток между ними аналогичен по ширине каждой из тяг.

Нижняя тяга проходит не только по простенкам, но и над основанием лопаток, верхняя лопатками прерывается.

Проемы окон и балконных дверей – прямоугольные, над ними расположены прямые сандрики, опирающиеся на каннелированные консоли. Оконный проем по центральной оси в полтора раза шире остальных проемов этажа – аналогичное соотношение наблюдается и в случае с третьим этажом. Все окна второго этажа дополнены массивными подоконниками, ниже которых (кроме центрального окна) расположены круглые медальоны без декора, фланкированные горизонтально повернутыми строенными «каннелюрами» (с сохранением классического принципа в архитектуре модерна – центральная каннелюра длиннее крайних). Кавычки здесь не случайны – в отличие от классических каннелюр в виде системы параллельных выдавленных в штукатурке бороздок, в данном случае наблюдается лишь отсылка к ним, выполненная противоположным способом – рельефно выступающими линиями.

Под центральным окном расположена стилизация узкой горизонтально вытянутой плиты без декора с символическими круглыми «креплениями» по краям.

На втором этаже сохранились оба исторических балкона, чего не скажешь о балконах верхних этажей, почти полностью утративших оригинальный облик. Ограждения балконов выполнены в рационалистической манере и смотрятся на фоне роскошно декорированного фасада довольно неброско. Есть вероятность, что и здесь не обошлось без утрат – изначально оформление балконов могло выглядеть заметно сложнее и богаче.

При этом стоит отдать должное жильцам правосторонних квартир на первом и втором этажах, сохранившим аутентичные оконные переплеты.

Окна третьего этажа, кроме центрального, – прямоугольные. Они обрамлены необычными наличниками с раскрепованной нижней частью, вмещающими в себя не только сами оконные проемы, но и подоконные филенки. Над окнами расположены неоклассические прямые сандрики с символическими дентикулами.

В простенках расположены стянутые лентами лепные венки – еще одна отсылка к неоклассическим мотивам.

Над центральным окном сандрик аналогичен, а проем самого окна – лучковый, с пластично сглаженными верхними углами. Ниже подоконника пространство заполнено пышным симметричным барельефом в виде картуша в обрамлении гирлянд.

Сандрики третьего этажа служат основанием для выступов, на которые опираются подоконники окон четвертого. Проемы самих окон имеют верхние скругленные углы, наличники отсутствуют. Вместо них обрамление решено в виде сложнофигурных сандриков с вычурными картушами, трактуемыми как замковые камни и строеными каннелюрами по сторонам от окон.

По центральной оси расположены два лучковых окна, объединенных общим сандриком, в центре которого помещен пятилучевой симметричный растительный элемент.

Оформление лопаток решено в виде вертикально вытянутых филенок, занимающих пространство от середины второго этажа до уровня сандриков третьего. На третьем этаже помещены пышные круглые медальоны с гирляндами и растительным обрамлением. От них вниз отходят строенные каннелюры, а нижние части самих филенок решены в виде двух симметрично направленных «волют» – заимствованных из орнамента классического меандра.

На уровне четвертого этажа в качестве ключевого элемента обрамления центральной оси расположены два больших женских маскарона, на шеях которых имеются канаты, завязанные морским узлом. Эти маскароны в свое время поро-

дили вокруг дома немало домыслов и легенд, пытавшихся объяснить эти самые веревки на шеях, что привело к известному мрачному обиходному прозвищу здания – «дом повешенных». На самом деле канаты, веревки и подобные элементы являлись не только распространенным элементом масонской символики, но и вариантом замены более распространенных в модерне лент и шейных платков. Примечательно, что это не единственные подобные элементы фасадного декора на Маразлиевской, так как маскароны с веревками на шеях имеются еще у домов Луцкого (№ 2)

и Аудерского-Крыжановского (№ 54), причем последний расположен в минутной доступности от дома Беликовича.

Стоит, однако, отметить, что только дом на Маразлиевской, 5, обладает сразу двумя такими маскаронами, тогда как двум другим домам их досталось по одному.

Фасадная плоскость дома завершается массивным карнизом значительного выноса, дополненным большими пышно декорированными модульонами. Над карнизом помещается незаметный с улицы невысокий глухой аттик без декора, служащий внешней стеной антресольного этажа.

Карниз ныне пребывает в аварийном состоянии, при обрушении утрачен фрагмент на левой половине центральной оси. Вместе с ним утеряны и два карнизных модульона.

Арка проезда – пятипролетная, с лучковыми сводами, повторяющими форму проемов с улицы и двора. Уровень пола арки ниже уровня тротуара и мощения двора, из-за чего, входя в арку, требуется преодолеть две ступени вниз – и еще две вверх при

входе во двор. Пролеты арки разделены лопатками, которые чередуются большими стенными филенками и перетекают друг в друга через свод посредством символических «кессонов», декорированных уже неоднократно встречавшимися нам строеными каннелюрами. У основания, немного выше того места, где должен проходить карниз, «кессоны» дополнены по сторонам небольшими полуовальными выступами, усиливающими пластическую композицию свода.

Дополнительно над филенками помещены круглые медальоны в обрамлении сим-

метричных композиций из тяг, отсылающих к строеным каннелюрам.

Последний, самый дальний от красной линии пролет арки вмещает в себя двери подъезда (слева) и квартиры первого этажа. Обе двери хорошо сохранились и имеют уникальный дизайн без повторений где-либо в Одессе. Створки дверей – глухие, и единственными элементами освещения помещений за ними служат световые зарешеченные филенки. Начиная с эпохи раннего модерна в одесской архитектуре все реже применяются двери безглазкового типа, то есть со световыми проемами в самих створках, тогда как глухие двери становятся все более распространенными.

Двери в арке дома Беликовича решены в стиле декоративного модерна, с характерными для него пластичными обводами филенок и резьбой растительного характера. Пространство больших центральных филенок каннелировано, по оси створной планки двери венчаются необарочными картушами в виде обрамленных венками рокайлей.

Арка ведет в замкнутый двор-колодец, довольно просторный и хорошо инсолированный. Лицевое и тыльное крылья дома являются парадными, боковые – служебными. По компоновке окружающих строений и архитектурному оформлению двор в целом симметричен, он имеет прямоугольную в плане форму, где короткая сторона параллельна красной линии улицы. Углы двора срезаны, в плоскости срезов выведены дополнительные окна. Тыльный фасад лицевого крыла асимметричен за счет расположенного справа (при взгляде со двора) от арки вертикального ряда световых окон подъезда. Все подъездные окна сохранили аутентичные переплеты.

Фасады боковых и тыльного крыльев полностью симметричны. Боковые крылья решены по принципу зеркального отражения друг друга, три центральные оси каждого из них выделены

массивным ризалитом с пластичными закруглениями внешних углов. Лестницы черных ходов занимают центральную ось и подчеркнуты в свою очередь ризалитом меньшей глубины. Черные ходы оборудованы бельевыми балконами и освещаются через остекленные проемы в створках их дверей. Единственное окно, имеющееся у каждого черного хода, – круглый «иллюминатор» на верхнем ярусе.

Первый этаж отделен от второго значительного выноса гуртом. Чуть выше уровня подоконников второго и четвертого этажей расположены декоративные линейные тяги. Окна 2-4 этажей обрамлены раскрепованными наличниками с одиночными рустовыми вставками и условными прямыми сандриками.

Центральная ось тыльного крыла оборудована сквозным проходом во второй двор участка, причем одновременно этот проход служит и для доступа к парадной лестнице данного крыла, то есть подъезд, где она расположена, – сквозной. Туда ведет аутентичная двухстворочная дверь в невысоком проеме. Дверь отличается дизайном от дверей арки, но выполнена в близком стилистическом ключе. Она оборудована небольшой по высоте световой фрамугой. Дополнительными источниками света для помещения за дверью служат циркульные в четверть окружности проемы в верхних частях створок и небольшие круглые «иллюминаторы» в их центре. Верхние части створок дополнены резными филенками, огибающими световые проемы, а «иллюминаторы» вписаны в центр крестовидных композиций из строенных каннелюр. Филенки в нижних частях створок каннелированы в стилистике, аналогичной оформлению больших филенок на створках дверей в арке.

В отличие от лицевого фасада, антресольный уровень всех крыльев дома со стороны двора оборудован небольшими продухами.

Подъезды дома строги и изысканны, расположены непосредственно в лицевом и тыльном крыльях и по общим принципам оформления и стилю совершенно идентичны друг другу. Однако отличия все же есть, и в первую очередь касаются они организации промежуточного пространства между входом и лестничной клеткой.

В лицевом подъезде устроен небольшой квадратный предбанник, в своем роде тамбур, где внешняя входная и промежуточная двери расположены относительно друг друга перпендикулярно. Тылный подъезд оборудован высоким лестничным шлюзом, представляющим собой часть анфилады прохода во второй двор.

Нижние ярусы стен подъездов рустованы, выше стенные плоскости оформлены огромными филенками-рамками. Центральные стены этажных площадок заполнены огромными проемами неглубоких ниш с пластично закругленными верхними углами.

Лестницы мраморные, перила по композиции сходны с секционными, но, в отличие от них, составлены из отдельных элементов по принципу подчеркнутой взаимной перпендикулярности. Элементы эти в основном носят эклектический характер, и характерная для раннего модерна пластика и плавность изгибов здесь почти не применяется.

Шлюз тыльного подъезда оборудован лестницей в восемь ступеней, цоколи проходного проема между ним и лестничной клеткой обшиты глухими

деревянными панелями, потолок представляет собой большую прямоугольную филенку без декора (вероятно, это место отводилось расписному плафону) в обрамлении нескольких ярусов раскреповок.

Проход во второй двор устроен в тыльной стороне лестничной клетки под промежуточной площадкой первого и второго пролетов лестницы. Проход невысокий, и для людей выше 180 см его даже можно охарактеризовать как некомфортный. Однако, поскольку здесь начиналась служебная часть дома, этому моменту не уделялось достаточно внимания – солидные квартиросъемщики проходом этим не пользовались, и с его низким перекрытием мирились исключительно жившие в тыльном флигеле жильцы располагавшихся там бюджетных квартир (на то она и бюджетность!) и обслуга.

Дополнительно дом оборудован двумя черными ходами, расположенными в боковых крыльях двора со входами по центральным осям. Там установлены железные лестницы с глухими подступенками, оборудованные балясиновыми ограждениями. Причем дизайн балясин здесь пластически и стилистически перекликается с более сложными и роскошными перилами подъездов. К слову, и там, и там перила уникальны и больше нигде в Одессе не имеют повторений.

Задний фасад тыльного крыла повторяет декорированием фасады основного двора, его центральная ось подчеркнута ризалитом лестничной клетки с пластично закругленными внешними углами.

Промежуточный двор между доходным домом и тыльным флигелем представляет собой узкое «ущелье». Тыльный флигель повернут сюда условно «лицевым» фасадом, оформление которого указывает на расчет видимости здания с улицы – до возведения прямо перед ним огромного доходного дома, по сути, полностью перекрывшего обзор, более раннее строение в глубине участка смотрелось достаточно представительно.

Флигель трехэтажный, выстроен в стиле сдержанного ренессанса, его «лицевой» фасад вертикально расчленен лопатками и имеет четкое поэтажное разделение посредством гуртов.

Окна первого этажа обрамлены наличниками без раскреповок с подчеркнута массивной верхней частью, в простейшей геомет-

рии стилизующей прямые сандрики. Окна 2-3 этажей обрамлены раскрепованными наличниками, которые на втором этаже увенчаны треугольными и лучковыми сандриками.

Примерно в центре фасадной плоскости имеются два входа – в подъезд (слева) и в коридор, представляющий собой проход во внутренний двор флигеля. Внутренний двор – замкнутый, периметрально окружен крыльями флигеля. На стыке боковых и переднего крыльев имеются внешние лестницы. Они являются единственным средством доступа в квартиры боковых крыльев. Еще одна лестничная клетка, но закрытого типа, оборудована в заднем крыле.

Фасадные плоскости двора предельно лаконичны – окна обрамлены простейшими геометрическими наличниками с полным отсутствием элементов пластики и декора, а на уровне подоконников 2-3 этажей двор опоясан непрерывными тягами символических гуртов.

В центре двора сохранились остатки водопроводной крановой колонки.

В подъездах установлены простые бюджетные лестницы. В переднем крыле лестница чугунная с ажурными подступенками, в заднем – железная, глухая, с коваными балясинами перил простого и очень распространенного эклектического дизайна.

Позади флигеля имеется также небольшая полоска пространства, протянувшаяся вдоль тыльной границы участка, которая могла бы условно претендовать на роль четвертого двора и даже когда-то имела сообщение с основным двором флигеля, однако сегодня эта область практически не используется, и свободный доступ туда полностью перекрыт.

Благодаря непрерывной анфиладе из трех дворов дом Кавасо/Беликовича по меркам Одессы – явление совершенно уникальное, поскольку здесь, в отличие, например, от Петербурга, так и не сложилась традиция создавать обширные разветвленные системы дворов с сообщением между ними. И хотя в случае с описываемым домом эта анфилада не складывалась одновременно, она не становится от этого менее самобытным и редким случаем в истории одесской жилой архитектуры.